

Николя Матъе

КОНЦЕМАРА

Fiction
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М35

Nicolas Mathieu
CONNEMARA

*Перевод с французского Александры Финогеновой
Дизайн обложки Екатерины Анфилатовой*

М35 **Матье, Никола**
Коннемара : роман / Никола Матье; [пер. с фр. А. Финогеновой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-29363-2

Название романа пахнет торфом и влажной травой, звучит в элитных бизнес-школах, на сельских свадьбах, в молодежных ночных клубах и на тихих семейных застольях. Все потому, что во Франции песню Мишеля Сарду об озерах Коннемары знают если не все, то очень многие.

И герои романа не исключение.

Элен скоро сорок. Родившись в маленьком городе на востоке Франции, она усердно трудилась, чтобы оставить провинцию и построить жизнь, достойную глянцевого журнала, которые она читала подростком. Однако теперь, когда у нее, кажется, есть все — муж, две дочери, успешная карьера и огромный дом, — она чувствует себя неудовлетворенной, словно годы жизни прошли зря.

Кристофу недавно исполнилось сорок, и он никогда не покидал маленький городок, в котором рос. Он уже не так красив, как раньше, разведен, живет в родительском доме, развлекается, устраивая нелепые выходы с друзьями, продает собачий корм и лелеет мечту играть в хоккей, прямо как в шестнадцать лет, когда он был школьной звездой. Казалось бы, полный провал, однако Кристоф уверен, что все еще впереди.

Их роман — беспощадно актуальная, откровенная, пропитанная меланхолией, надеждой и яростью история о любви. Но не только о ней пишет Матье: на страницах книги обретает голос не одно поколение французов. Единой песней звучат их крик, смех, плач, шепот, стон.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-29363-2

Connemara by Nicolas Mathieu
© ACTES SUD, 2022

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Финогенова А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

1

Ее бесило все с самого утра. Для плохого настроения хватало одной мысли о том, что предстояло сделать, обо всех нерешенных проблемах, о вечной нехватке времени.

При том что Элен была очень организованна. Она составляла списки дел на неделю, держала в голове, если не в клеточках тела, продолжительность цикла стирки и купания младшей дочки, точно знала, сколько уйдет на то, чтобы сварить лапшу или приготовить и подать завтрак, отвезти дочек в школу или помыть волосы. Ох уж эти волосы, которые она раз двадцать порывалась отрезать, чтобы сэкономить два часа в неделю на уход — и те же двадцать раз останавливалась: неужели она должна отказать себе и в этом, лишиться своих длинных волос, сокровища, хранимого с детства?

Дни Элен были расписаны под завязку, из кучи мелких задач и состояла ее жизнь-головоломка. Порой она вспоминала пору отрочества — ведь лет

до пятнадцати еще позволяется бездельничать: ничегонеделанье по воскресеньям, позже — ленивые похмельные утра. Безвозвратная пора, эти несколько лет, что в ретроспективе казались кратким мгновением. Мать тогда распекала ее, мол, валяется часами в кровати, вместо того чтобы пойти погулять. Сейчас же будильник поднимал ее в шесть утра по будням и выходным, так что она на автомате просыпалась в это время сама.

Иногда ее охватывало чувство, что ее обокрали, что она как будто себе не принадлежит. Теперь ее сон подчинялся высшим требованиям, ритм его стал семейным, профессиональным и в целом протекал в угоду коллективным целям. Мать могла ею гордиться. Элен была на ногах с утра до вечера, наконец-то приносила пользу и, сама став матерью, крутилась в том же колесе.

— Ты спишь? — произносит она тихонько.

Филипп, такой грузный по сравнению с ней, лежит на животе, рука под головой. Можно за мертвого принять. Она смотрит на часы — 6:02. Понеслось.

— Эй, иди буди девчонок, — говорит она громче. — Давай быстрее. А то опоздаем.

Филипп поворачивается во сне, и из-под одеяла исходит густая волна тепла, такого знакомого, такого плотного после совместной ночи. Элен уже поднялась, теперь она ищет свои очки в колючем холодке утренней спальни.

— Филипп, черт...

Муж что-то бормочет и поворачивается к ней спиной. Элен уже мысленно повторяет обязательные пункты плана на день.

Коннемара

Не разжимая зубов, она залезает под душ, потом бежит на кухню, по пути проглядев почту в телефоне. Макияжем она займется позже, в машине. По утрам с детьми на забалуешь, так что она наносит тональный крем и прочее уже после того, как забрасывает их в школу.

Очки на кончике носа, молоко подогрето, она рассыпает хлопья по детским мискам. По радио треплются двое журналистов, имена она запомнить не в состоянии. Время еще есть. Утреннее шоу на *France Inter* всегда настраивает ее на нужный лад. И вдруг, пока дом еще спит, кухня оказалась ей островком, где она могла вкусить редкое мгновенье наедине с собой, сладкая самоволка, возможность спокойно выпить кофе. Всего 6:20, а ей уже хочется сигарету.

Она набрасывает на плечи теплую кофту и выходит на балкон. Опершись на ограждение, она курит, глядя на раскинувшийся внизу город, на первые красные и желтые всполохи на дорогах, на разрозненные огни фонарей. На соседней улице мусоровоз делал свое дело, тяжело вздыхая от натуги, мигая. Немного в отдалении маячила высокая башня, усеянная прямоугольниками окон, за которыми то и дело мелькали смутные тени. А за ней церковь. Справа геометрическая махина больницы. Центр с его мощеными улицами и соблазнительными витринами был далеко. Город Нанси, потягиваясь, пробуждался к жизни. Для октябрьского утра было не так уж холодно. На кончике сигареты мерцал огонек; Элен быстро оглянулась

через плечо и проверила свой телефон. На ее лице появилась улыбка, подсвеченная светом экрана.

Ей пришло новое сообщение.

Такая простая фраза, «Страшно жду», и, разумеется, прямо сейчас. Ее сердце заколотилось, она затаилась последний раз и встряхнулась. Уже 6:25, предстояло еще одеваться, везти девочек, лгать.

— Ты собрала рюкзак?

— Да.

— Мушка, ты не забыла про вещи для бассейна?

— Забыла.

— Надо было об этом подумать.

— Знаю.

— Я же сказала вечером, ты что, не слышала?

— Слышала.

— Так почему не подумала?

— Я не специально.

— Вот именно. А надо специально подумать.

— Никто не безупречен, — отвечала Мушка с видом мудреца и усами от «Несквика».

Малышке недавно исполнилось шесть, и она менялась на глазах. Клара в свое время тоже прошла стадию стремительного взросления, но Элен уже успела забыть это ощущение, когда ребенок внезапно превращается в личность. Так что она заново, как в первый раз, переживала период «вылупления» дочки из апатии младенчества, когда та вдруг перестала быть любопытным до всего детенышем, начала рассуждать, острить, выдавать сентенции, которые могли изменить атмосферу за столом, так что взрослые теряли дар речи.

— Так, ну мне пора. Всем пока!

Это Филипп появился в кухне, привычным жестом заправляя рубашку в брюки, огладив себя рукой от живота и до середины спины.

— Ты не позавтракаешь?

— Перехвачу что-нибудь в конторе.

Отец обнял дочерей, легонько чмокнул Элен в губы.

— Ты помнишь, что сегодня вечером забираешь девочек? — спросила она.

— Сегодня?

Шевелюра у Филиппа заметно поредела, но он все еще был красавец, атлетичный, в прекрасной форме, с блеском в глазах — этакий хулиган, любимец класса, хитрец, знающий где и как себя подать. И это бесило.

— Мы за неделю договаривались.

— Да, но, возможно, я задержусь на работе.

— Тогда позвони Клэр.

— Дашь ее номер?

Элен диктует ему номер и советует позвонить как можно быстрее, чтобы не оказалось, что та занята.

— Да-да, — сказал Филипп, забывая информацию в телефон. — Ты поздно вернешься, не знаешь?

— Вряд ли, — ответила Элен.

На ее щеках вспыхнул румянец, а блузка вдруг стала резко тесна.

— Как же это достало, — сказал Филипп, быстро проверяя почту на телефоне.

— Не то чтобы я гуляю до ночи. И позволь тебе напомнить, что ты сам вернулся в девять вчера и позавчера.

— Работа, у меня работа, что я еще могу сказать?

— Да, а я так, фигней страдаю.

Филипп оторвал взгляд от экрана телефона, на его лице появилась та самая странная улыбочка, губы словно щель. Его фирменный вид: да плевать я на все хотел.

С тех пор, как они переехали жить в провинцию, он, казалось, решил, что больше ничего ей не должен. В конце концов, он оставил ради нее престижный пост в АХА, своих товарищей по бадминтону, да и в целом перспективы, несравнимые с теми, что ждали его в этих краях. А все потому, что жена больше «не вывозит». Кстати, она уже немного пришла в себя? Этот вынужденный переезд сделал их кредитором и должницей. Во всяком случае, такое впечатление создалось у Элен.

— Ладно, до вечера.

— До вечера.

Элен повернулась к дочкам:

— Так, зубы, одевайтесь, и на выход. Мне линзы нужно надеть. И дважды я повторять не буду.

— Мама... — начала было Мушка.

Но та уже вышла из кухни — волосы в пучок, ягодицы напряжены, — чтобы проверить мессенджер по пути на второй этаж. Манюэль прислал новое сообщение, и она снова ощутила ту самую сладкую дрожь, трепыхание в груди, точно, как было в пятнадцать лет.

Полчаса спустя: девочки в школе, сама она, добравшись до работы, на автомате просматривает сегодняшнее расписание. В десять встреча с людьми из «Винчи». В два часа дня — перезвонить тетке в «Поретт», на цементный завод в Дезе. Там

намечались сокращения, а у Элен созрел план реорганизации смежных служб, который позволил бы сохранить пять рабочих мест. Согласно расчетам, она могла сэкономить им около пяти тысяч евро в год, изменив штатное расписание и оптимизировав отдел закупок и автопарк. Ее шеф, Эрванн, так и сказал: «В этот раз нельзя опозориться, это гиперважная история, невозможно облажаться». Потом, в четыре, ее долгожданная презентация в мэрии. Перед тем как отправиться туда, ей нужно еще раз проверить слайды, поручить Лизон распечатать материалы для всех участников, причем с двух сторон листа — не приведи бог какой-нибудь безумный экоактивист устроит ей разнос. Не забыть про персонализированный титульный лист для каждого. Знала она этих сотрудников администрации, начальников отделов, всю эту свору никому не нужных, держащихся за свое кресло чинуш, составлявших гвардию муниципалитета. Они чуть не писали в штаны от счастья, видя свою фамилию на обложке или на первой странице официального документа. Перейдя на определенный уровень своей слегка буксующей карьеры, именно отмежеваться от мелкой сошки, выпендриться среди коллег становилось для них важнее всего.

А вечером у нее свидание...

Дорога от Нанси до Эпиналя, как правило, занимала меньше часа. Значит, она даже не успеет заскочить домой принять душ. Но в любом случае, переспать в первый же вечер не вариант. Она снова говорит себе, что надо все отменить, что она не должна... Но Лизон уже ждала ее на парковке.

Привалившись спиной к стене, девушка жадно сосала свой вейп, и ее забавная мордашка терялась в облаке яблочно-коричного пара.

— Ну что, готова?

— Куда там... Мне нужно, чтобы ты распечатала материалы для мэрии. Сборище в четыре.

— Все готово со вчера.

— С обеих сторон?

— Конечно — я что, похожа на экотеррористку?

Они поспешили к лифту. Пока кабинка поднималась к офису «Элексии», Элен старалась избегать взгляда своей стажерки. В кои-то веки на лице девушки отсутствовало вечно сонное выражение, напротив, она вся сияла, словно это ее вечером ждало свидание. Лифт распахнул двери на третьем этаже, Элен вышла первая.

— За мной, — бросила она, двинувшись через бесконечный холл, где размещался огромный опенспейс отдела консалтинга — целый архипелаг столов, между которыми вилась узкая красная ковровая дорожка, и бесчисленные растения в горшках, зеленющие под снопами света, льющегося из высоких окон. Тут и там стояли красные кресла и диванчики, приглашавшие отдохнуть с комфортом. В глубине зала размещалась полностью оборудованная кухня, где можно было разогреть домашнюю еду и потрепаться про чьи-то давно забытые контейнеры в холодильнике. Единственные отдельные помещения располагались в мезонине: конференц-зал, так называемый куб, и кабинет шефа. Вот в этом кубе, подальше от нескромных ушей, и укрылись Элен с Лизон.

— Я затеяла глупость, — начала Элен.

— Брось, ничего подобного. Все пройдет отлично.

— Целый день пялюсь в телефон, как идиотка. А ведь у меня работа. Дети. Черт знает что такое. Я не должна позволять себе такие штучки. Надо все прекратить.

— Подожди!

Случалось, что Лизон забывалась и начинала «тыкать» своей начальнице. Элен не возражала. Она частенько выкладывала душу этой чертовке. Надо сказать, что девка выглядела классно в конверсах и кутюрном пальто из секонд-хенда, со своим немного лошадиным лицом с удлинненными зубами и слишком широко расставленными глазами, что, впрочем, ничуть ее не портило. Надо сказать, что с ней жизнь Элен сильно изменилась. До появления Лизон на горизонте она частенько чувствовала, что вот-вот сорвется.

На первый взгляд у нее было все: дом по индивидуальному проекту, ответственная работа, семья как с картинки в *Elle*, завидный муж, даже гардеробная. Здоровье в порядке. Но нечто трудно уловимое подтачивало ее изнутри, странное ощущение пресыщенности и одновременно нехватки чего-то. Эта внутренняя трещина постоянно терзала ее.

Впервые беда дала о себе знать четыре года назад, когда они с Филиппом еще жили в Париже. В один прекрасный день Элен просто заперлась в кабинке офисного туалета, потому что больше просто не могла смотреть на лавину новых сообщений в почте. А вскоре это вошло у нее в привычку. Она пряталась там, чтобы не ходить на совещание, не встречаться с коллегой, не отвечать на

телефонные звонки... Она часами просиживала так на унитазе, улучшая свой счет в «Кэнди краш», неспособная ни на что реагировать, с наслаждением продумывая способы самоубийства. Мало-помалу самые тривиальные вещи стали казаться невыносимыми. Например, она могла неожиданно для себя разрыдаться в корпоративной столовой, потому что снова увидела в обеденном меню тертую морковь и картофельные шарики. Даже перекуры больше не радовали. Что же касается самой работы, она больше не вызывала у нее никакого интереса. К чему все эти таблицы Excel, бесконечные бессмысленные совещания, а уж лексикончик! Когда в ее присутствии произносили слова вроде «импактировать», «кикоффнуть», «приоритизировать» — она думала, ее сейчас стошнит. Под конец она уже не могла слышать без рвотных позывов даже звук при включении своего макбука.

Вдобавок у нее началась бессонница, стали лезть волосы, она теряла в весе, обнаружилась экзема на коленях. Однажды в транспорте, уставившись на бледную макушку незнакомца, что просвечивала сквозь зачесанную набок прядь, Элен чуть не потеряла сознание. Она всюду ощущала себя чужой. Ей хотелось исчезнуть. Она падала в пропасть.

Доктор с долей неуверенности диагностировал выгорание, и Филиппу пришлось с тяжелым сердцем согласиться на отъезд из Парижа. В провинции, по крайней мере, их ждало улучшение качества жизни, они могли позволить себе просторный дом с большим садом, не говоря уж о том, что в этих гостеприимных краях было волне реально

получить место в яслях, не переспав с кем-то из руководства. Кроме того, неподалеку жили родители Элен и могли время от времени быть на подхвате.

В Нанси Элен сразу нашла работу благодаря Эрванну, другу мужа, директору «Элексии» — компании, предоставлявшей консалтинговые и аудиторские услуги, рекомендации по подбору персонала, в общем, все то же самое. Спустя несколько недель смена обстановки и ритма жизни позволили ей почти избавиться от переживаний. Но ненадолго. И теперь, пусть она еще не докатилась до тотальной депрессии, но снова ощущала себя несчастной, не на своем месте, часто уставала, огорчалась по пустякам или злилась без причины.

Филипп не знал, что делать с ее мрачными закидонами. Пару раз они пытались это обсуждать, но у Элен возникло ощущение, что он ей подыгрывает — словно специально напяливая маску сочувствия, точно, как он делал, говоря по видео со своими коллегами. В сущности, он вел себя с ней, как со всеми прочими: подминал ситуацию под себя.

Но, к счастью, однажды в состоянии крайней усталости она натолкнулась на забавное резюме с запросом о стажировке. Как правило, подобные письма до нее не доходили или же она сразу отправляла их в корзину. Однако это привлекло ее внимание своей до абсурда простой формой — без фото, без упоминания всех этих благоглупостей, умений, навыков, позитивных хобби и прочих «прав категории В». Это был бесхитростный документ Word: имя, Лизон Лагасс, адрес, номер мобильного, год окончания магистратуры по экономике

и разношерстный список мест работы. Ресторан «Леон де Брюксей», компании «Делуатт», «Дарти», «Барклейз», даже рыбозавод в Шотландии. Вместо того чтобы отказать кандидату через службу набора персонала, как полагалось по протоколу, Элен взяла и позвонила ей, из любопытства. Потому что девушка ей ужасно кого-то напомнила. Лизон сразу же ответила на звонок. Она разговаривала певучим, звонким голоском, то и дело прерывая речь смехом — ее способ ставить знаки препинания. Она отвечала на вопросы «ага», «да бросьте», «ясное дело», с веселой, заговорщицкой интонацией, не особенно стараясь понравиться. Элен тут же назначила ей встречу в офисе после семи вечера, когда опенспейс почти опустел — словно втайне. Лизон явилась вовремя, она оказалась высокой, энергичной и худющей, в джинсах-скинни и мокасинах с бахромой, разумеется, с челкой и удлинённым лицом с немного лошадиными зубами и неизменно широкой, порой ослепительной улыбкой.

— Резюме у вас довольно чудное. Как вы попали из «Делуатт» в «Дарти»?

— Обе на первой линии метро.

Элен улыбнулась. Парижанка... Подобные девичьи много лет отпугивали ее своей особенной гиперэлегантностью, врожденным умением везде быть своей, неспособностью толстеть и уникальной манерой царственно, без слов, но каждым своим жестом показывать, мол, хочешь быть стоящей телочкой — повторяй за мной. Странно было увидеть одну из них здесь, в конторе Нанси на исходе дня. У Элен возникло чувство, будто она вдруг

получила открытку из мест, где некогда провела не самый приятный отпуск.

— И как вы оказались здесь?

— А-а! — Лизон пренебрежительно отмахнулась. — Меня погнали из художки, а мать нашла здесь кавалера.

— И как, привыкаете?

— Местами.

Элен тут же взяла Лизон на работу, переложив на девушку всю отчетность, которую взвалили на нее саму с тех пор, как Эрванн принялся рьяно бороться за оптимизацию расходов, решив «усовершенствовать процесс». Это выливалось в необходимость обосновывать все до одной поездки, вносить самые ничтожные задачи в безразмерную таблицу, искать в длиннющих выпадающих меню запутанное определение действий, которые раньше вообще не брали в расчет, — то есть ежедневно тратить целый рабочий час на оправдание остальных восьми.

Против всяких ожиданий Лизон справлялась с этим блестяще. Спустя неделю она уже знала каждого сотрудника и все секретники конторы. Объяснялось это просто: ее все забавляло, и она парила над опенспейсом этакой феей, деятельной и беспечной одновременно, порой бесила, но в целом все ее ценили; ноль стресса, все ей нипочем, всегда на позитиве — настоящая Мэри Поппинс офисного люда. Элен, которая постоянно боролась с собой и метила в партнеры Эрванна, эта легкость казалась чем-то из области фантастики.

Как-то вечером за пинтой пива в баре по соседству Элен вдруг обуяло любопытство:

— Слушай, тебе кто-нибудь нравится в конторе?

— На работе? Это исключено.

— Но офис — главное место для знакомств.

— Я предпочитаю не смешивать. Слишком на виду, особенно в опенспейсе. И потом, мужики так и вьются вокруг тебя весь день, как стервятники. А сплетницам только дай повод перемывать тебе косточки, хлебом не корми.

Элен хохотнула.

— Тогда каков твой метод? Ходишь куда-нибудь? На дискотеки?

— Ой, нет! Здешние клубы — просто отстой. Я делаю как все: рыщу по интернету.

Элен улыбнулась через силу. Их разделяло меньше поколения, а ей были совершенно неведомы новомодные приемы флирта. Благодаря Лизон она в том числе узнала, что способы знакомства, продолжительность отношений, взаимный интерес (или нет) после этого, смена партнеров, терпимость к параллельным связям, их пересечение и совпадение во времени — в общем, все правила любви и сексуальной жизни изменились кардинально.

Что изменило картину в первую очередь, это появление мессенджеров и социальные сети. Когда Элен призналась девушке, что даже не слышала об интернете до самого лица, та посмотрела на нее с сочувственным изумлением. Конечно, она знала, что цивилизация существовала и до интернета, но в ее представлении это время помещалось в черно-белый спектр, где-то между пактом Молотова — Риббентропа и высадкой человека на Луну.

— Но все же... — со вздохом заключила Элен. — Результат финального экзамена я узнавала уже через учебный сервис *EduNat*, или как он там назывался.

— Что?..

Поколение Лизон росло в интернете с пеленок. В коллеже, например, она проводила целые вечера, флиртуя онлайн с идеальными незнакомцами через ноутбук, подаренный ей родителями на успешное окончание школы, болтая без конца о сексе как со своим ровесниками, так и с извращенцами под полтос, настукивающими текст одной свободной рукой, парнями из Сингапура, а то и с соседом, которого она не удостоила бы и словом, окажись они рядом в автобусе. Позже она любила развлекаться на мобильнике, пускаясь в долгосрочную любовную переписку с кучей парней, которых знала лишь мельком. Достаточно было зайти на страничку сокурсника, который тебе нравится, обменяться приветствиями, и понеслась. Такими цифровыми ночами общение шло на бешеной скорости, уничтожая расстояния, ожидание становилось невыносимым, сон поверхностным, приватность недопустимой. Лизон и ее подружки вели одновременно три-четыре переписки. Поначалу невинные, в шутовском тоне, очень скоро они приобретали личный характер. Люди начинали делиться своими проблемами, тем, как достали родители, что девушка оказалась шлюхой, что препод по физике и химии реально извращенец и нарцисс. После одиннадцати часов, когда все домашние засыпали, переписка

парочек становилась еще более конспиративной. Возбуждение нарастало. Свои фантазии выражали скупой, словно кодами, шифровкой. Все заканчивалось обменом фотками в белье или с эрекцией, откровенными съемками снизу, строго между ними.

— Самый жир — снять фотку своей задницы, но так, чтобы тебя не узнали. На всякий.

— А не было стремно, что парень поделится со своими друзьями?

— Естественно. Такова расплата.

Эти снимки, сделанные в постели, селфи в полумраке, более-менее отточенный эротизм становились этакой подпольной разменной монетой, утаиваемой от родителей, незаконной валютой, на которой держался целый рынок вожделения, постоянно под угрозой разоблачения. Потому что случалось, что личное оказывалось в общедоступном интернете и фото почти голой девчонки вирусилось в сети.

— Одной моей подружке пришлось сменить школу.

— Ужас какой.

— И это еще не самое худшее.

Элен заглатывала эти истории с жадностью, словно чипсы — они оставляли смутно противное ощущение, но остановиться было невозможно. Она волновалась и за своих дочек, не зная, как они справятся с этими угрозами нового свойства. Но, если честно, от всего этого у нее по телу разливался жар. Она завидовала желаниям, увы, не на нее направленным. Чувствовала себя ущербной оттого, что не имела к ним доступа. Вспоминала о том

периоде, когда возбуждение было ее постоянным спутником. Она призналась своему терапевту:

— Я чувствую себя какой-то старушкой. Все это для меня позади.

— Опишите ваши ощущения, — сказал ей терапевт, меняя тему.

— Досада. Грусть.

Наглец даже не удосужился записать это в свой блокнотик.

Время пролетело так быстро! От получения диплома до сорокалетия ее жизнь неслась со скоростью пригородного поезда. И в один прекрасный день он выбросил ее на полустанке, который никогда не значился в планах: теперь у нее были другая фигура, мешки под глазами, поредевшие волосы, раздавленная задница, дети на шее, муж, твердивший, что любит, но вечно готовый слинять, если нужно разобрать стирку или посидеть с девочками во время забастовки учителей. На этой станции мужчины ей попадались не особо часто. И теперь она, несмотря ни на что, скучала по их жадным, некогда столь возмутительным и, безусловно, оскорбляющим ее взглядам. Казалось, все изменилось по щелчку пальцев.

В пятницу вечером в пабе «Гэлуэй» Элен наконец решила открыться Лизон.

— Меня депрессирует от всех твоих парней. Я хочу сказать, меня угнетает мысль о том, что мое время прошло.

— Глупости какие. Да у вас суперпотенциал. На «Тиндере» за вас резня начнется.

— Да брось. Если ты решила надо мной посмеяться...

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Матъе Николая
КОННЕМАРА

Ответственный редактор *А. Волкова*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректор *Л. Асанова*
Компьютерная верстка *В. Ермак*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.06.2026.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Spectral.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 2000 экз. Т-ИЗР-38477-01-Р. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)